

Снаружи творился форменный бедлам, но внутри палатки их уютная нега уже успела рассыпаться.

Ци Хань, полураздетый, лениво опирался локтем на плечо Фу Гэ, пальцами ворошил его волосы. Только проснулся, голос ещё хриплый, низкий:

— Спишь дальше?

Фу Гэ свернулся в его объятиях, щёки покраснелись после сна, а в глазах ещё мерцала дремота. Он выглядел смирным, почти послушным:

— Не хочу. Если мы ещё задержимся, они решат, что мы тут непонятно чем занимаемся.

— Да плевать на них, — он только усмехнулся, крепче прижал его к себе, уложил на бок, прижался спиной, ладонью прикрыв глаза, заслоняя от солнечного света. — Спи, я дам тебе свой феромон.

Тепло. Спальник согрет их телами, за спиной — широкая грудь, сама по себе горячая, как печь, а воздух пропитан густым запахом альфы. Заснуть снова — проще простого.

Он провалился в сон и проспал аж до полудня, пока запах еды не пробрался в нос и не вытянул его наружу.

Раз уж приехали сюда, то по всем традициям — обед из рыбы.

Голова рыбы под острым соусом, жареный карп с пряностями, тушёное рыбное брюхо с перцем, белая рыба в чесночном соусе, паровая с черными бобами, ломтики свежего сашими, кисло-острая рыба с маринованной капустой... Целый стол уставлен блюдами. Ци Чуань вместе с маленьким Дзюэ методично пробирались от одной тарелки к другой, а Фу Гэ на рыбу смотреть не мог — зато Ци Хань, как водится, выделил ему отдельную кастрюлю с едой.

— Вот это вкусно, — маленький бета обглаживал куриное крылышко, когда неожиданно перед его носом возникла палочка с кусочком жареных грибов. Он не успел возразить — просто раскрыл рот, и ему тут же набили щёки. Прожёвывая еду с хмурым упорством, он походил на маленького хомяка.

Ци Хань, замороженный этой картиной, кормил его снова и снова, а заодно ладонью нащупывал его живот.

— Сколько тебя кормлю, а живот не растёт, — протянул он, будто озадаченный.

Фу Гэ, едва успевая сглатывать, пробормотал:

— Уже раздулся... Скоро для крылышка места не останется...

— Нравится? Серьёзно? Даже больше, чем моя еда? — прищурился Ци Хань.

Он-то думал, что Фу Гэ не в курсе, кто готовил весь этот пир, и решил подразнить.

Маленький бета скосил на него глаза, затянул голос, растягивая слова:

— Да-да, безумно вкусно, невероятно нравится. Ты вообще с головой дружишь? Мне даже пробовать не надо, чтобы понять, что готовил ты.

Ци Хань самодовольно прищурился:

— Так уж очевидно?

Фу Гэ закатил на него выразительный взгляд. Ну а ты как думаешь? Неужели кто-то ещё стал бы выкладывать куриные крылышки в форме такого жирного, пухлого сердечка?

Ци Хань едва сдерживал улыбку, но она всё равно проступала в уголках губ. Он снова взял палочками кусочек рыбы, тщательно очищенный от костей, и поднёс к его губам:

— Это очень полезно, местный деликатес. Я почистил её идеально, совсем не пахнет рыбой, попробуй.

— Не хочу. Я рыбу не ем.

Фу Гэ даже не глянул в сторону палочек. Рыбу он покупал исключительно ради Ци Ханя, но сам её не выносил.

— Ну хоть чуть-чуть. Если будет пахнуть — сразу выплёвывай, ладно? — Ци Хань уже поднёс кусочек вплотную, а свободной рукой подставил ладонь, словно ловушку. Голос стал низким, почти заговорщицким: — Я тут услышал, что эта рыба очень полезна... ну, для определённого места. Так что давай, кусочек — и получишь награду.

Фу Гэ тут же вспыхнул.

— Какую ещё награду?

Ци Хань сделал вид, что задумался, а потом небрежно бросил:

— Миллион юаней. Купишь себе картошку фри.

Фу Гэ выдал наигранное «вау», но всё же нехотя наклонился и нехотя прикусил рыбу. Буквально через секунду его лицо исказилось, он сжал губы, глядя на Ци Ханя с безграничной обидой. То ли проглотить, то ли выплюнуть?

— Всё равно с душком?

— Я же говорил, что не люблю рыбу...

С этим человеком иначе было нельзя. Ци Хань вздохнул, протянул ладонь:

— Давай сюда. Кусок рыбы съесть — целая трагедия.

— Сам говорил, что мне можно быть привередой.

Два часа возился с рыбой, а этот упрямец даже кусочка не съел. Но Ци Ханя это почему-то не расстраивало. Наоборот, он был доволен. Столько лет — и вот, наконец, он позволил себе капризничать. Научился говорить «не хочу». Это стоило всех усилий.

После обеда Ци Чуань с командой отправился осматривать холмы и рельеф вокруг старого кладбища, а Фу Гэ захотел пройтись по горам — просто посмотреть на место, где его отец провёл столько лет.

Ци Хань держал его за руку и тут же заметил, как острые травяные стебли исцарапали ему щиколотки. Без лишних слов он тут же остановился:

— Всё, больше не ходишь. Иди сюда, я тебя понесу.

— Да не надо, я просто обойду... Ай!

Не успел договорить, как его подхватили на руки. Плотно, уверенно, без единого шанса выбраться.

По экспедиционному лагерю тут же прокатилась волна смешков, кто-то даже свистнул.

— Ци Хань просто души в жене не чает!

— Ну ещё бы! Президент Ци вообще самый известный подкаблучник.

— Видели этот отдельный горшочек с куриными крылышками? Фу Гэ рыбу не ест, а в деревне толком ничего другого не найти. Так что Ци Хань лично тащил нас в горы за дикой курицей! Господи, эта тварь оказалась такой шустрой, мы, чтоб её поймать, чуть лёгкие не выплюнули!

Люди наперебой гомонили, не унимаясь, а Фу Гэ, красный до ушей, шлёпнул Ци Ханя по плечу:

— Быстро поставь меня на землю!

Альфа хохотнул:

— Ну и ну, маленький стеснительный.

Позади раздался добродушный голос — пожилой рыбак, обхватив свой внушительный живот, усмехнулся:

— Да что тут такого! У нас в деревне говорят: кто жену бережёт, тот будет жить в достатке.

— Вот как? — Ци Хань усмехнулся шире. — Тогда моему супругу грозит баснословное богатство.

Рыбак вскинул брови:

— Это почему же?

Альфа, наконец, поставил Фу Гэ на ноги, но тут же демонстративно склонился к его плечу, уютно к нему прижимаясь, а потом, будто этого мало, ещё и ткнулся лбом.

— А вы разве не видите? — Ци Хань нагло улыбнулся. — В нашей семье главный — он. Так что я тут вообще жена!

Толпа разразилась новым взрывом смеха, свистки и смешки не стихали.

Фу Гэ почувствовал, как у него загорелись уши, он опустил голову, уткнулся в его плечо и, бормоча в самое его горло, хрипло выдал:

— Ты вообще хоть немного стыда имеешь?..

— А зачем мне стыд, я хочу тебя.

После дождя горы дышали свежестью, молодая зелень сияла, будто отмытая водой, но идти

было сложновато — колючек на тропе хватало.

Сначала Ци Хань терпеливо позволял ему идти самому, осторожно выбирая путь, но стоило отойти подальше от людей — тут же подхватил его на руки.

Ему вообще было всё равно, где таскать Фу Гэ — хоть в лагере, хоть в лесу. Как будто у него был избыток сил, и он просто не знал, куда их девать.

— Честно говоря, думал, что ты сегодня будешь грустить, — Ци Хань остановился у плоского камня, сам сел, а Фу Гэ усадил к себе на колени.

Тот улыбнулся:

— Прошло столько лет, вся боль давно выгорела. Я счастлив, что нашёл отца, это главное.

Говоря это, он провёл пальцами по его ладони, заметив там множество крошечных порезов. Ци Хань наверняка поранился, когда спускался с холма.

Горло сдавило тёплой горечью, он поднёс его руку к губам и нежно поцеловал в самое сердце ладони.

— Спасибо, мой маленький медведь. Ты так старался ради меня.

— И всё? Только спасибо?

— Ещё любовь.

Ци Хань расцвёл от удовольствия, обнял его крепче, уткнулся в макушку, пробормотав:

— Знаешь, я за эти дни жутко по тебе соскучился. Дай подзарядиться.

Его пальцы скользнули по плечам, легко, наощупь, потом он нахмурился:

— Ты опять похудел.

Фу Гэ мягко выдохнул и без тени стеснения признался:

— Когда тебя нет, я даже есть нормально не могу.

Ци Хань тут же передразнил его тоном, насмешливо и с улыбкой:

— То есть ты настолько от меня зависишь? Даже на пару дней оставить нельзя?

— Именно. Ты мой свет, моя пища, без тебя мне никак.

Ци Хань почувствовал, как его сердце буквально тает от этих слов. Он целовал его снова и снова, прижимая ещё крепче.

— Малыш, вот умничка, давай хорошенько обнимемся.

Он порылся в кармане и вложил в ладонь Фу Гэ две знакомые карамельки — те самые, которые они когда-то ели в Литане.

— Давненько не баловал себя сладким?

Глаза Фу Гэ сразу засверкали:

— Откуда ты их взял?!

— Ты же любишь это, — усмехнулся Ци Хань, разрывая обёртку, но не торопясь отдавать. — Я заказал, мне прислали целую упаковку.

Он поднёс карамель к губам, но вместо того, чтобы вложить её в его ладонь, наклонился ближе, лоб к лбу, и мурлыкнул:

— Малыш, а если я сам тебя покормлю? Но сначала дай мне тебя поцеловать.

— Только осторожнее, не кусай слишком сильно. Внутри орехи.

— Ну раз так... — Ци Хань сунул карамель себе в рот, а потом, ухватив его за затылок, впился в губы, будто требуя что-то гораздо большее.

— Если не хочешь, чтобы я разгрыз её первым, лучше поспеши и возьми её сам.

<http://bllate.org/book/14453/1278369>